

и т. п., проявляемые по отношению к информатору и изучаемому населению, к его истории, культуре, традициям.

Забота о воспитании кадров этнографов-полевиков имеет первостепенное значение для дальнейшего развития этнографической науки, в значительной степени базирующейся на материалах полевых исследований. Накопленный многими поколениями этнографов большой опыт ведения собирательской работы передается, к сожалению, главным образом «из рук в руки», «из уст в уста». Освещение этого опыта, его творческое осмысление было бы весьма полезным, разумеется, наряду с дальнейшей разработкой современных методических и методологических проблем.

С. И. Вайнштейн

**ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЕВОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
(ответ участникам дискуссии)**

Из-за ограниченности объема я не могу, к сожалению, коснуться всех заслуживающих внимания идей и предложений, прозвучавших в дискуссии. Позволю себе остановиться лишь на нескольких вопросах, связанных с полевыми исследованиями неизученных или малоизученных компонентов традиционно-бытовой (в том числе и старотрадиционной) культуры, ее «белых пятен».

Некоторые участники дискуссии (Л. Н. Чижикова, В. Ф. Горленко, О. Р. Будина) не поддержали предложенного мной нового термина «старотрадиционная культура», который, кстати, другие (В. И. Козлов, Н. А. Томилов, Г. Н. Симаков) позитивно использовали в своих выступлениях. Им я отнюдь не хотел ни заменить термин «традиционная культура» (О. Р. Будина, 63), ни разделить традиционно-бытовую культуру на старотрадиционную и просто традиционную (В. Ф. Горленко, 69; Л. Н. Чижикова, 65). Этим термином я обозначил лишь ту часть традиционной культуры, которая включает различные историко-генетические слои, вошедшие в нее в условиях докапиталистических формаций, начиная с первобытнообщинной. Эта часть традиционной культуры, бесценный памятник ее истории, в современных условиях исчезает наиболее быстро. Но поскольку все компоненты традиционной культуры тесно взаимосвязаны и функционируют как в многослойной динамичной системе (С. И. Вайнштейн, 53), выделить среди них старотрадиционные не всегда удается без детального анализа всего собранного в поле материала по традиционной культуре. Разумеется, к исчезающим могут относиться не только старотрадиционные, но и более поздние компоненты традиционной культуры.

Оживленный обмен мнениями вызвало содержавшееся в моей статье утверждение о необходимости возможно более полного исследования всех исчезающих компонентов традиционно-бытовой культуры, ее «белых пятен». Большинство участников дискуссии (В. Р. Арсеньев, Ч. М. Таксами, Л. Н. Чижикова, В. Ф. Горленко, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева и др.) согласны с этим. Однако были высказаны также мнения, что это «задача явно невыполнимая» (Г. В. Старовойтова, 69) и «фиксировать... надо лишь то, что важно и актуально» (В. И. Козлов, 72), что диктуется требованиями теории (Г. В. Старовойтова, 68).

Чтобы быть объективным, надо признать, что мои оппоненты не отрицают важности изучения традиционной культуры с наибольшей полнотой (Г. В. Старовойтова, 69) и ликвидации ее «белых пятен» (В. И. Козлов, 70), но суть их выступлений, на мой взгляд, этому противоречит.

Г. В. Старовойтова утверждает: «Тотальная фиксация всех явлений традиционно-бытовой культуры (уходящих или реально существующих в современности) во всем их региональном разнообразии у всех многочисленных народов нашей страны — задача явно невыполнимая (вероятно даже при условии неограниченности ресурсов общества)» (69).

Несомненно, возможности этнографической науки и ее краеведческого актива ограничены, но, как показала дискуссия, реализуются они далеко не в полной мере, и есть еще значительные неиспользованные резервы, позволяющие проводить полевые исследования традиционной культуры намного результативнее. И если уж «тотальная фиксация» традиционной культуры, к большому сожалению, не может быть осуществлена, то только потому, что многие ее старотрадиционные компоненты безвозвратно исчезли, так и оставшись не изученными. Это было достаточно убедительно показано в откликах А. Н. Жилиной (73—74) и других участников дискуссии. Г. В. Старовойтова полагает, что «полная фиксация всего контекста уходящего образа жизни произвольно способствовала бы частичной консервации архаики» (69). Из этого очевидно следует, что «полная фиксация», т. е. детальное научное описание исчезающих компонентов традиционно-бытовой культуры влечет за собой определенные негативные явления в развитии народного быта, но с таким выводом решительно нельзя согласиться.

Не может ослабить тревогу за судьбу исчезающих памятников культуры и то, что «охранная деятельность и охранное законодательство в сфере истории культуры — явления относительно недавние» (Старовойтова, 69). К тому же такая деятельность и законодательство не столь уж новы. Их знал еще Древний Рим. В России они осуществлялись с начала XVIII в. Не надо забывать и о том, что ряд важнейших законодательных актов этого плана был принят в нашей стране сразу после Великой Октябрьской социалистической революции по инициативе В. И. Ленина.

Можно согласиться с Г. В. Старовойтовой, что «выбор конкретных методов исследования диктуется развивающимися представлениями о предмете нашей науки» (68). Однако закономерно ли переносить, как предлагает она, некоторые из разработанных «вслед за физикой» методологических проблем познания на этнографию? Должен ли этнограф, изучающий в поле традиционную культуру, фиксировать, дабы не быть обвиненным в «ползучем эмпиризме», лишь то, что интересует «теорию» в данный момент? А ведь это, казалось бы, должно следовать из приводимого Г. В. Старовойтовой (с. 68) высказывания А. Эйнштейна: «именно теория решает, что мы должны наблюдать».

Характер исследований физических и этнографических объектов — и это совершенно очевидно — имеет помимо прочих еще одно существенное различие. Первые могут быть изучены в любое время, вплоть до отдаленного будущего, вторые же, например неисследованные компоненты старотрадиционной культуры, не зафиксированные своевременно специалистами, будут в недалеком будущем утрачены и для наблюдения и для теоретического исследования, как бы в этом ни нуждалась теория и сколь бы общество, выражаясь словами Г. В. Старовойтовой, ни «рефлектировало самое себя и свои исторические истоки» (69). Вряд ли тогда «рефлексирующее» общество сможет утешить мысль, что «вся история мировой культуры, — как пишет Г. В. Старовойтова, — это, в известной степени, история безвозвратной гибели отдельных памятников и целых культурных пластов. Погибли Древний Рим и города американских индейцев, великие цивилизации Азии. Только в XVII веке от случайного взрыва хранящегося в нем пороха разрушен афинский Акрополь...» (69).

К счастью, это все же не совсем так. История мировой культуры — прежде всего процесс созидательный, и именно он дает нам замечательные, нередко драматичные примеры спасения многих ценнейших памятников культуры (а к ним, напомню, я отношу и старотрадиционную народную культуру), в частности путем реконструкций, ставших возможными благодаря детальнейшей фиксации этих памятников до разруше-

ния. Иначе не могли бы мы любоваться Парфеноном в афинском Акрополе, Колизеем в Риме; увидеть в центре современного Мехико Великий храм Теночтитлана — святыню ацтеков, Золотые ворота в Киеве, дворцовые ансамбли в Павловске и Петродворце под Ленинградом.

Войны — одна из наиболее бессмысленных и трагических причин гибели памятников культуры. Пример тому — судьба упомянутого моим оппонентом афинского Акрополя. Еще в V в. до н. э. он был разрушен персами в ходе их войны с греками (и тогда же восстановлен, и в нем построен Парфенон). В XVII в. — через две тысячи лет — Парфенон (а не Акрополь!) был разрушен вследствие его обстрела венецианцами, осаждавшими Афины (а не в результате «случайного взрыва»!): их бомба вызвала взрыв хранившегося в нем пороха. Реконструкция Парфенона, в особенности пластики его фронтонов, казалась невыполнимой, но осуществить ее все же удалось. За четырнадцать лет до рокового взрыва, в 1674 г., Акрополь посетил французский посланник Нуантель, который дал указание сопровождавшему его художнику Жаку Каррею детально зафиксировать скульптуры Парфенона, причем не только самые интересные, а все! Поразительно точные эскизы Каррея и послужили два века спустя основным источником реставрации величайшего памятника мировой культуры и создания целостной картины фронтонов. Но ведь кое-кто и во время поездки Нуантеля считал такую фиксацию излишней. И как не вспомнить «теоретические» споры «специалистов», продолжавшиеся еще в начале XIX в., о том, имеют ли вообще историческую и художественную ценность скульптуры Парфенона!

Разумеется, значение научной теории огромно. Только она раскрывает сущность предметной области, объясняет ее явления, «во всех областях знания показывает нам, — как писал В. И. Ленин, — проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений»¹. Обогащение теории на базе фактов, эмпирического опыта, даже если на это уходят годы, десятилетия, а иногда и столетия, — закономерность развития науки. Накопление фактов, таким образом, ведет в конечном счете к их теоретическому обобщению, а развитие теории, в свою очередь, способствует поиску новых фактов и их дальнейшему осмыслению. Но поиск и накопление этнографических фактов, увы, ограничены временем их существования...

Если «не витать в облаках, а оставаться... на грешной земле», как пишет В. И. Козлов, надо «фиксировать и изучать... не все, а лишь то, что важно и актуально как в научном, так и в практическом отношении» (72, 73). Конечно, хорошо бы изучать только важное и актуальное, но как все же непросто эту «актуальность» определить, в особенности в перспективе. Я, например, как и большинство участников дискуссии, считаю актуальной возможно более полную фиксацию всех неизученных или недостаточно изученных явлений традиционной (в том числе и старотрадиционной) культуры. Мой же оппонент придерживается по существу иной точки зрения.

Определение степени актуальности и практического значения того или иного исследования подчас не столь уж просто не только в этнографии, но даже в естественных науках, что, как известно, приводило к серьезным просчетам. Вспомним якобы чрезвычайно актуальные разработки Т. Д. Лысенко, ущерб от которых доньше еще полностью не преодолен, и, как полагали некоторые, «не имеющие отношения... к практике» исследования И. В. Курчатова в 30-е годы по ядерной энергетике, важность которых теперь очевидна². Лишь в XX в. была полностью оценена актуальность и практическая значимость законов неевклидовой геометрии, созданной Н. И. Лобачевским еще в начале XIX в. Впрочем, и история этнографии полна примеров, когда, казалось бы малозначительные факты, рутинно зафиксированные в ходе полевой работы, приобретали со временем важнейшее значение для познания этнокультурной истории народа, для раскрытия фундаментальных законов социального и куль-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 46.

² См. выступление акад. А. П. Александрова на совещании в ЦК КПСС по вопросу ускорения научно-технического прогресса. — Правда, 13 июня 1985 г., с. 2.

турного развития человечества. Напомню хотя бы, что в прошлом многие этнографы, фиксируя определенные брачные запреты, не придавали им большого значения. Лишь Дж. Мак-Леннан указал на важнейшую роль и повсеместное распространение этого явления, названного им экзогамией. Однако и он не смог выявить сущность открытого им социального института. Сделал это, как известно, Л. Морган.

В. И. Козлов, разумеется, прав, утверждая (70—71), что «белые пятна» традиционной культуры «лучше всего выявляются при сплошном картографировании тех или иных этнографических объектов и явлений». Однако мой оппонент считает, что такая работа нередко оказывается малоблагодарной в научном отношении. При этом он ссылается на свой опыт курирования работ по историко-этнографическим атласам «Русские» и «Народы Прибалтики». «Случается, — пишет он, — что трудоемкий сбор полевых или архивных материалов при ликвидации того или иного „белого пятна“ не имеет сколько-нибудь существенного научного значения, что фиксация проводится в лучшем случае лишь для частичного уточнения „типологизации“, что составленные этнографические карты не подвергаются должному сравнительному научному анализу и просто пополняют обширные груды „этнографических источников“. Возможно, эти груды заинтересуют наших коллег в будущем..., но для нашей „лихорадки буден“, они, к сожалению, малополезны» (71). Это, по его мнению, «в немалой степени» вызвало «угасание интереса к развернутой лет 15 назад работе по созданию серии историко-этнографических атласов различных регионов страны» (71). Но так ли много оснований для столь пессимистичного вывода? Взять хотя бы атлас «Русские». Конечно, В. И. Козлову, как одному из четырех редакторов первого выпуска этого издания (В. А. Александров, В. И. Козлов, П. И. Кушнер, М. Г. Рабинович), виднее его недостатки. И все же публикация двух выпусков атласа «Русские» — несомненное достижение советской этнографии. Он вполне заслуженно получил широкое признание, в частности, за впервые примененный в нем показ традиционных элементов культуры в динамике, благодаря чему можно не только проследить их историю, но и предсказать тенденции развития в будущем.

Что же касается непревзойденного пока в мировой этнографии (в том числе и по своей аналитической части) «Историко-этнографического атласа Сибири» (редакторы М. Г. Левин и Л. П. Потапов), то именно тотальное картографирование этнографических объектов позволило его составителям сделать чрезвычайно интересные открытия в области культурогенеза и этногенеза народов Северной Азии. Сохранение же «белых пятен» в атласе вызвано как раз пробелами в этих «грудах источников».

Специалисты Института этнографии АН СССР в сотрудничестве с этнографами научных учреждений Академий наук ряда союзных и автономных республик продолжают работу по подготовке историко-этнографических атласов, в частности атласа Средней Азии и Казахстана, в котором будут сочетаться синхронный и диахронный аспекты исследования. Значение региональных атласов, разумеется, хорошо известно В. И. Козлову. Оно определяется не только обобщением накопленного в ходе их подготовки огромного этнографического материала, но и его систематизацией, разработкой типологий и картографированием, позволяющим проводить сравнительно-этнографический анализ традиционной культуры, выявлять этнокультурные связи и этническую специфику, решать многие проблемы этногенеза и этнокультурной истории народов³. В ходе подготовки атласов издан ряд крупных монографий как сотрудниками Института этнографии, так и нашими коллегами из национальных республик⁴. Уже после публикации открывших дискуссию статей вышел

³ *Жданко Т. А.* Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана как источник изучения этнокультурных связей. — В кн.: Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад, 1985, с. 277—279.

⁴ Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу/Под ред. Дахшлейгера Г. Ф. Алма-Ата, 1980; *Калоев Б. А.* Земле-

из печати солидный том историко-этнографического атласа Прибалтики, посвященный земледелию и имеющий несомненно очень важное значение для дальнейшего развития этнографической науки⁵.

Все это, разумеется, не могло быть сделано без «полной фиксации» всех компонентов традиционной культуры, т. е. без тех «груд источников», которые, по мнению В. И. Козлова, хотя и могут послужить для написания многих диссертаций в будущем, но в наш век «лихорадки буден» малополезны. Впрочем, цитируемый им великий поэт, нашедший столь яркий образ темпа жизни нашего времени, признавался: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Да и для любой науки, включая этнографию, накопление и анализ огромного количества фактов ради подчас редчайших открытий вполне естественны. И если ныне и существуют трудности в издании атласов, то связаны они в первую очередь не с научными проблемами, а с возможностями полиграфической базы. Не могу не отметить и неточность, допущенную моим оппонентом. Работа по подготовке атласов была развернута не «лет 15 назад», а много раньше: сибирский атлас был опубликован уже в 1961 г., а первый выпуск атласа «Русские» — в 1967 г.

Хотелось бы подчеркнуть, что не только историко-этнографические атласы могут способствовать ликвидации «белых пятен» в изучении традиционной культуры. Этому очень помогло бы издание полного свода традиционной (исторической) этнографии народов СССР (о чем уже шла речь в моей статье, 56), в котором бы сочеталась публикация фактического материала с его теоретическим анализом. В этой связи нельзя не вспомнить, что до сих пор нет обобщающих монографий по исторической этнографии большинства народов СССР, в том числе и таких крупных, как азербайджанцы, туркмены, узбеки и др.

Авторы дискутируемых статей не ставят, как пишет В. И. Козлов, вопроса «Зачем изучать?» («Зачем фиксировать?»), полагая, видимо, «что уж такая это наука, что призывает изучать все неизученное или малоизученное» (72). Но ведь не только этнография, а все науки «уж такие», ибо идут они от незнания к знанию, и в этом, как известно, суть процесса научного познания мира.

Впрочем, как-то даже неудобно в академическом журнале упоминать столь тривиальные истины, и если уж зашла речь об академических журналах, то, скажем, в журнале «Вопросы языкознания» было бы немислимо высказать сомнение в целесообразности детальной фиксации всех неизученных или малоизученных языков, диалектов, говоров народов нашей страны.

По мнению В. И. Козлова, «из-за сильного изменения научно-этнографической ситуации в нашей стране за последние десятилетия» (72) необходимы определенные изменения в организации полевой работы. Он пишет, что в 1950-х годах, когда Институт этнографии только развертывал свои исследования, а на местах еще не было этнографических кадров, сотрудникам Института приходилось фактически «работать кое-где, а фиксировать и изучать кое-что» (с. 72). С того времени «научных кадров в соответствующих секторах Института прибавилось не так уж много, но зато на местах появилось значительное число этнографов, археологов, краеведов», и потому «вряд ли целесообразно, — продолжает далее В. И. Козлов, — нацеливать научных сотрудников центрального академического учреждения страны и на полевые работы по фиксации исчезающих старотрадиционных этнографических объектов, если такую работу могут и должны выполнять научно-технические сотрудники местных научных учреждений» (72). С этим трудно согласиться. Ведь именно в послевоенные годы, включая 1950-е, Институтом этнографии были проведены серьезные и глубокие полевые исследования традиционной культу-

деле народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981; *Кобычев В. П.* Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

⁵ Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие/Под редакцией Вийреса А. О., Лейнаса И. А. (куратор), Моркунаса В. И., Рабиновича М. Г. (отв. ред.). Вильнюс, 1985.

ры многих народов нашей страны, и на их базе созданы ставшие классическими труды Г. М. Василевич, Б. О. Долгих, А. А. Попова, Е. Д. Прокофьевой, С. П. Толстова, Т. А. Жданко, Л. П. Потапова и других сотрудников Института. Тогда же, в значительной мере на основе полевых исследований была подготовлена включавшая сведения по этнографии почти всех народов СССР и поныне не имеющая аналогов в мировой науке фундаментальная серия трудов «Народы мира».

Если реализовать предложение В. И. Козлова, специалисты Института, видимо, должны превратиться в неких кабинетных этнографов, которым будут предоставлять материал местные «полевики», и на основе этого не без труда собранного чужого материала они будут писать свои солидные книги. Все это было бы возможно и прекрасно, если бы не одно обстоятельство: действительно серьезное изменение этнографической ситуации в последние десятилетия. В период научно-технической революции большая часть компонентов старотрадиционной культуры, еще недавно реально функционировавших в быту, чрезвычайно быстро перешла в разряд исчезающих, о чем не без тревоги говорили почти все участники дискуссии. И поэтому полевые исследования таких компонентов культуры (даже только их фиксация!) теперь-то как раз требуют от «полевика» куда более высокой научной квалификации и значительно большего опыта экспедиционной работы, чем, боюсь, не всегда обладают научно-технические сотрудники на местах. Да и как в этом случае осуществить надлежащую критику источников, которая, как известно, может быть проведена (особенно когда речь идет об исчезающих компонентах культуры) лишь на месте, «в поле», если мы сами не будем участвовать в их «добывании»?!

Впрочем, такой метод «кооперации» не вполне нов. Задолго до нашей дискуссии некоторые возможные коллизии в реализации подобной модели исследований обрисовал Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц, как мы помним, прилетел на Шестую планету, где жил старик-географ, писавший «толстые книги». Но, к изумлению маленького принца, он почти ничего не знал о своей планете. «Но ведь вы географ!» — поразился маленький принц.

«Вот именно, — сказал старик. — Я географ, а не путешественник... Географ — слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

— А зачем?

— Да ведь, если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпьет лишнее — тоже беда».

Конечно, на плечи Института этнографии ложатся многие важные проблемы, решение которых не всегда под силу местным научным учреждениям, но это отнюдь не означает возможность для «центрального академического учреждения страны» уйти от решения одной из актуальнейших задач нашей науки — наиболее полного изучения традиционно-бытовых культур народов СССР, в особенности их остающихся незафиксированными исчезающих компонентов. Такие работы должны осуществляться, как это и было до сих пор, в тесном творческом контакте этнографов центральных и местных научных учреждений, ведущих ученых и научно-технических сотрудников, узких специалистов и краеведов-любителей, что также нашло отражение в выступлениях участников дискуссии. И должна такая деятельность приравниваться к контролируемым государством работам по охране памятников культуры, которым угрожает разрушение.

Хочу остановиться еще на одном важном вопросе. Г. В. Старовойтова считает необходимым определение этнокультурного памятника и его специфики (по сравнению с археологическими, историческими, фольклорными памятниками). По ее мнению, в число этнокультурных памятников должны войти «комплексы традиционной деятельности и традицион-

ной духовной культуры — в отличие от памятников так называемой материальной культуры, которые во многих случаях можно отнести в ряд археологических или памятников искусства» (69). Думается, что относительно этнокультурных (этнографических) памятников (объектов) существует уже достаточная ясность. К ним относятся все памятники традиционно-бытовой (не профессиональной!) культуры⁶, в том числе традиционно-бытовой материальной культуры. Объектом изучения археологов и искусствоведов поэтому могут быть те же памятники, которые исследуются этнографами. Ведь археология изучает не какие-то «свои» памятники, а историю общества по всем материальным остаткам жизни и деятельности людей, которые добываются главным образом путем раскопок. Они могут быть и памятники профессиональной культуры, развивавшейся, как известно, вместе с формированием классового общества, и памятники культуры традиционно-бытовой. Искусствоведы также изучают памятники как профессионального, так и традиционно-бытового искусства. Следовательно, народное искусство может быть, к примеру, объектом исследования и искусствознания и этнографии, хотя, конечно, у последней есть свой аспект его изучения.

И, конечно же, у этнографии не только свой особый аспект исследований памятников материальной культуры. Существенно различается и выбор объектов изучения профессиональной и традиционно-бытовой культуры. Для исследователя первых особенно важны памятники уникальные, выражающие своеобразие и новизну творческих решений их создателей, а этнографа, напротив, прежде всего интересуют объекты, наиболее типичные для той или иной этнокультурной общности. Это порождает нередко весьма существенное различие в определении относительной ценности памятников профессиональной и традиционно-бытовой материальной культуры, а, следовательно, в целесообразности их первоочередного полевого исследования, охраны и т. п. Приоритет в большинстве случаев отдается первым. В таком подходе есть известная доля логики, но обычно не учитывается, что даже гибель отдельного в чем-то своеобразного памятника профессиональной культуры, оставшегося неизученным, сколь печально бы это ни было, как правило, не лишает науку относительно полного представления (за редкими исключениями) о породившем его направлении в профессиональном искусстве, архитектуре и т. п. Если же не удастся зафиксировать хотя бы единственный материальный объект, характеризующий оставшиеся неизученными те или иные компоненты традиционной культуры, типичные для данной этнокультурной общности, а она со временем утратит эту культуру, то такая потеря оказывается обычно невозполнимой, причем для изучения культуры не только этой общности, но, в конечном счете, всего человечества.

И еще одна сторона вопроса остается часто вне внимания. Специфическое отношение к материальным объектам традиционно-бытовой культуры как длительно воспроизводимым без изменения. Поиск их стабильно-типичных черт нередко ведет к недоучету важности фиксации динамики изменений этих объектов (конструктивных и нефункциональных — украшения, цвет и т. п.), хотя исследование таких изменений несомненно играет существенную роль в познании закономерностей этнокультурных процессов.

Материальная культура, таким образом, имеет и традиционно-бытовой и профессиональный слои. Вместе с тем в своем историческом развитии они всегда были более или менее тесно связаны и взаимозависимы. Соответственно история материальной культуры нуждается в изучении не только в аспекте отдельных наук, но и целостно, во всех ее взаимосвязях. Не случайно поэтому решением правительства еще в трудные годы Гражданской войны (18 апреля 1919 г.) была создана Российская академия истории материальной культуры (с 1926 г. Гос. академия истории материальной культуры — ГАИМК), перед которой была поставлена задача изучения истории материальной культуры во всех ее формах с привлечением всех видов источников. Это обусловило и ее

⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 74—75.

структуру из трех отделений: этнологического, археологического и художественно-исторического. С 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР, а позднее — в Институт археологии. Но ныне, как это ни парадоксально, нет ни одного научного учреждения (нет даже лаборатории или проблемной группы!), которое бы занималось историей материальной культуры в целом, и, как следствие, эту миссию берут на себя спорадически и достаточно стихийно то историки, то археологи, то этнографы, то искусствоведы. Может создаться впечатление, что это, в частности, результат отсутствия четких дефиниций, определяющих предметную область каждой из упомянутых наук в изучении памятников культуры. Но причина, как видим, иная.

Таковы мои основные замечания по материалам прошедшей дискуссии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дискуссия о принципах и методах полевой работы, развернувшаяся на страницах «Советской этнографии», со всей ясностью показала значение полевых исследований как одного из важнейших источников развития современной этнографии.

Она началась заказанными редакцией статьями М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна, отразившими стоящие перед полевыми работниками две основные, или, точнее, одну двуединую задачу — изучение современности и реконструкцию предшествующих этапов истории традиционно-бытовой культуры народа. Дискуссия, несмотря на некоторые крайние точки зрения, высказывавшиеся отдельными авторами, убедительно свидетельствовала о том, что эти две задачи невозможно решать отдельно, что в сущности правильность подхода к каждой из них предопределяет успех решения другой. Любой полевой работник, какую бы он ни ставил перед собой задачу, имеет дело только с современностью. Разумеется, современность в этнографическом ее понимании сложна. Она — результат истории. Какой бы цельной (гомогенной) современность нам ни представлялась, она гетерогенна, как гетерогенна по своей структуре историческая действительность на любом этапе истории. Иной раз только специальный анализ позволяет выделить и исторически объяснить элементы или комплексы культуры, возникшие в прошлом (порой весьма далеком). Вместе с тем они функционируют в системе современной культуры и поэтому не могут не считаться фактами современной действительности. Более того, даже то, что уже ушло в прошлое, но все еще хранится в памяти информаторов, является составным компонентом памяти современного человека и в определенном смысле тоже фактом современной действительности, современной памятью о прошлом, или, по словам Н. А. Томилова, «народными знаниями о былом». Само собой разумеется, что полевой исследователь должен четко различать факты, наблюдающиеся в наши дни, и факты, которые извлекаются из памяти отдельных информаторов (в фольклористике так называемый «пассивный репертуар») и фиксировать их соответствующими способами.

Очень важно подчеркнуть, что этнограф-полевик всегда был ученым, исследующим современность. Анализируя современность в историческом движении, он создает, как мы уже говорили, представление о новизне или давности происхождения отдельных ее компонентов. Участники дискуссии (М. Н. Шмелева, Л. Н. Чижикова и др.) справедливо писали, что этнограф, работающий в поле, не может интересоваться только архаическими элементами, как бы они ни были драгоценны в историко-культурном отношении, или только новациями, какое бы будущее последним ни предстояло. Опыт показал, что нарочито выборочный сбор материала ведет к искаженному представлению о действительности. Это особенно